

Елена Ковалева

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Поднимается вопрос о значении, содержании и механизме передачи исторической традиции в процессе культурного взаимодействия. Историческая традиция понимается как процесс сохранения культурного наследия и обновления его в последующих поколениях через принятие актуальных культурных объектов и ценностных ориентиров. Для сравнения процесса культурного взаимодействия выбраны Россия и Япония. Несмотря на глубокие отличия содержания характера, обе культуры объединяет один важный момент: на заре формирования национальной идентичности каждая страна оказалась втянутой в волну интенсивного культурного заимствования восточных и западноевропейских культурных форм. Показано, что Россия и Япония прошли схожий по форме, но глубоко специфический по содержанию период заимствования западноевропейских культурных форм, сохраняя и укрепляя при этом свою национальную индивидуальность. Выявлено, что процесс заимствования европейских культурных форм в истории России и Японии имеет схожие черты. Во-первых, обе культуры преодолевали вековые предрассудки, боролись с экономической отсталостью, испытывали необходимость в образовании и просвещении народа. Во-вторых, обе культуры продемонстрировали умение содержательно трансформировать заимствованные формы и приспособлять их к своим разумным потребностям, без утраты национальной самоидентичности.

Ключевые слова: Россия, Япония, история, культура, традиция, культурное заимствование, культурное взаимодействие, культурное наследие.

The study raises the question of the importance, the content and the way of transmission of historical tradition during the cultural interference. It regards historical tradition as a process of cultural heritage conservation and its renewal in later generations through acceptance of cultural objects and moral values. To compare the process of cultural interference Russia and Japan were chosen. Despite having significant differences in content, both cultures have one important trait in common: at the beginning of formation of the national identity each country was involved into intensive cultural adoption of Eastern and West European cultural forms. The study shows that Russia and Japan had similar in form, but completely specific in content periods of adoption and they managed to conserve and strengthen their national identities. It also demonstrates that Russia and Japan have similar traits in the way of borrowing of European cultural forms. First of all, both countries dealt with prejudices, fought with the economic lag and suffered from the need to educate people. Secondly, both cultures showed their ability to transform the adopted forms and assimilate in an appropriate way without any loss of their national identity. The similarities in the process of interaction in the Russian and Japanese history help to show some differences concerning the content and geopolitics. For example, Japanese elite group, as compared with that of Russia, managed to be more pragmatic and adopted only European technical innovations without letting alien ideas and values penetrate into its cultural centre.

Keywords: Russia, Japan, history, culture, tradition, cultural adoption, cultural interference, cultural heritage.

Культурные традиции любой страны представляет собой пластичный и динамичный континуум, формирующийся от глубинных, неосознанных коллективных переживаний до сознательных представлений, норм, ценностей и идеалов, вербализирующихся в ходе совместной деятельности или взаимовлияния с другими, как правило, соседними культурами. Распространенным видом культурного взаимовлияния является такой, когда одна культура подвергается влиянию со стороны более развитого соседа. Конечно, при этом заимствуются не все культурные импульсы, а лишь те, которые отвечают внутренним потребностям общества и способны принести ему выгоду и преимущества для развития. Историческая традиция свидетельствует, что, несмотря на естественно протекающий процесс интенсивного заимствования культурных форм, «принимающая» сторона способна сохранять свое культурное наследие [10, с. 535]. Вопрос об исторической традиции культурного взаимовлияния напрямую связан с проблемой обновления и одновременно сохранения и репродуцирования в последующих поколениях культурных объектов и ценностных ориентиров. Образую «коллективную память» общества и культуры, обновленные взаимовлиянием традиции обеспечивают самотождественность и преемственность в цивилизационном развитии [11, с. 175–176].

Понятие культурное «заимствование» сегодня, как правило, не используется исследователями, поскольку созвучной современности стала другая терминология, сориентированная на диапазон культурного диалога и, соответственно, культурного взаимовлияния. Однако в XIX столетии этот термин имел достаточно широкое хождение. Как правило, разграничивались три формы взаимоотношений между народами – захват, колонизация и «культурное заимствование». В первых двух случаях речь шла об изменении или нарушении границ соседней страны, в последнем – подразумевалось мирное сосуществование и культурное взаимовлияние [см.: 12, с. 57–65; 13, с. 79–91].

Историю культуры России и Японии, несмотря на глубокие отличия содержательного характера, объединяет один важный момент: на заре формирования национальной идентичности обе страны оказались втянутыми в волну интенсивного культурного заимствования восточных и западноевропейских культурных форм. Как известно, средневековая Русь исторически вобрала в себя византийские традиции (христианство, дворцовый церемони-

ал, философию, литературу, искусство и др.), а с начала XVIII века – и западноевропейские культурные формы (военно-технические изобретения и научные достижения, способы административного устройства, систему образования, моду, развлечения и др.). Средневековая Япония традиционно тяготела к культурному взаимовлиянию с Китаем, а с XIX века оказалась в интенсивном водвороте политических и экономических реформ, во многом инициированных европейскими странами и США. Политическая элита Японии второй половины XIX века оказалась перед военной угрозой со стороны американских и европейских объединенных сил, требующих «открытия» страны для международного взаимодействия. В таких условиях страна была поставлена перед необходимостью активных преобразований, требующих восприятия передовых культурных и социальных практик.

Европоцентристская внешнеполитическая обстановка вынуждала и Россию, и Японию принимать схожие «вызовы», требующие скорейшего социально-экономического реформирования в целях сохранения суверенитета и культурной идентичности. Россия, как известно, решала такую задачу в период реформ Петра I, став в результате важным игроком на мировой арене. В Японии долгое время преобладала позиция «опасения» воинствующей Европы. Так, русский публицист Д. Н. Головин в своем исследовании «Япония прежде и теперь» (1903), отмечает, что японцы долгое время не стремились к активному культурному диалогу с Европой в силу того, что они опасались воинствующей активности европейцев, ведущих многочисленные войны для решения своих проблем. Такая «осторожность» привела к тому, что реформы в Японии были проведены гораздо позднее [3, с. 42]. Долговременная «закрытость» страны пагубно сказалась на ее экономическом развитии. Однако «законсервировавшаяся в эпоху Токугава» традиционная культура в купе с особым умением японцев выбрать в других культурах рациональные элементы, необходимые им на конкретном этапе исторического развития, смогла успешно противостоять западной экспансии [14]. Японцы начали модернизацию, благополучно сочетая собственные традиции и западные новации. Реорганизация страны по образцу европейских государств стала осуществляться с головокружительной быстротой. За двадцать с небольшим лет бюрократический режим страны был заменен конституционным правлением, легитимированным в 1889 году.

Несмотря на разницу во времени, модернизация России и Японии, осуществленная на базе заимствования западноевропейских культурных форм, инструментально выглядит схожей. Идейным вдохновителем и проводником реформ в обеих странах оказался правитель с «новым» видением государственной политики: для России таким стал царь Петр I, для Японии – первый премьер-министр Ито Хиробуми. Оба правителя начинали с преобразования армии, используя европейское оружие и заимствуя новейшие технологии. Русская армия строилась по прусскому образцу, японская – по франко-германскому. Будучи преимущественно сельскохозяйственными странами, и Россия, и Япония нуждались в развитии промышленности, поэтому реформаторы внедряли западные технологии и привлекали европейских специалистов. В результате государственных преобразований Россия превратилась в абсолютную монархию, Япония – в конституционную.

Реформаторы обеих стран понимали, что преобразования сопряжены с необходимостью создавать слой образованных людей, что надо готовить собственных специалистов. С этой целью Петр I организовал обучение дворянских детей за границей и, главное, в родной стране в специально создаваемых для этой цели учебных заведениях. В течение последующего столетия в России сложилась ситуация, в которой образовательная траектория развернулась исключительно по западному образцу. Заимствование западных культурных форм осуществлялось механически, без гармоничного соединения с национальными культурными традициями. В итоге в России XVIII века сформировалась западная культура, представляющая собой, по выражению Н. А. Бердяева, «поверхностное барское заимствование и подражание» [2, с. 21]. Народу такая культура была чужда, он продолжал жить старыми традициями, религиозными верованиями и смотрел на господ, как на «чуждую расу» [1, с. 13]. В. О. Ключевский критически оценивал такое бездумное и поверхностное заимствование знаний и опыта. Он считал бесполезным и даже вредным простой «перенос» знаний без должного понимания того, как их можно применять в практической жизни. В целях обновления социокультурной традиции мыслитель предлагал сбалансированно сочетать западноевропейское научное знание с повседневными житейскими правилами, укорененными в традиции древнерусского воспитания «школы у домашнего очага» [9, с. 8].

Вопрос о культурном заимствовании у большинства русских мыслителей был связан в первую очередь с оценкой степени европейского влияния на Россию в ходе реформ Петра I. Хрестоматийно известна полемика славянофилов и западников, развернувшаяся в 30–40-е гг. XIX века в общественном дискурсивном поле. Противопоставлялись два мнения: первое – Европа отдавала России свои «отжившие» формы, не способные пустить корни на российской почве (славянофилы), второе – Европа делилась такими формами, какие у нее были, а Россия принимала их в той степени, в какой была готова принять (западники).

Русский мыслитель, историк права К. Д. Кавелин, испытавший в свое время искусы славянофильских, и западнических идей, будучи сориентированным на позитивное знание и многофакторное видение истории, предлагал рассматривать процесс культурного заимствования сквозь призму законов эволюции: если организм что-нибудь заимствует, то не перестает быть тем, чем был прежде. Так и Россия, оставаясь прежней в своей сути, оказалась способной видоизменять заимствованные формы и приспособлять их к своим разумным потребностям. Не Европа к нам пришла, а мы «оевропеились», оставаясь по-прежнему русскими, – звучат рефреном слова Кавелина [5, с. 63]. На примере истории взаимоотношений России и Европы он демонстрирует свою позицию по вопросу об исторической традиции культурного взаимовлияния: культуры, друг другом «обновленные», способны «сами творить свои формы, не стесняясь предыдущих» [5, с. 66].

Такая позиция исключает идею механического заимствования. В ней обосновывается, что влияние сильной культуры (в экономическом, техническом и других отношениях) лишь ускоряет внутреннее развитие «принимающей» стороны. Для России историческая необходимость в культурном взаимодействии обозначилась задолго до петровских времен, а реформаторская деятельность Петра I лишь стимулировала окончательное появление «потребности вызвать к деятельности и жизни личность» [7, с. 574]. Процесс культурного обновления России Кавелин напрямую связывает с ростом национального самосознания. Этот процесс растянулся на целое столетие, начавшись с реформ Петра I и закончившись в правление Николая I. По мнению мыслителя, петровская эпоха стимулировала развитие личностного начала в российском мирозерцании, а николаевская – окончательно «пробудила

национальную русскую мысль» [5, с. 58; 8, с. 1034]. Опасения славянофилов по поводу угрозы потери национальности под влиянием петровских начинаний, Кавелин считает безосновательными. Он объясняет, что реформа не коснулась глубинных народных слоев, сфера ее приложения оказалась довольно узкой – государственный аппарат и управление, и была сопряжена в основном с военно-административными потребностями страны.

Кавелин делится своими наблюдениями о том, как консервативен российский народ по своей природе. Туго и нехотя откликается он на доводы доктрин, «расчищающих и освещающих исторический путь» [8, с. 1037]. Подобное умонастроение может стать если не угрозой разрыва культурных традиций, то препятствием на пути обновления. Кавелин критически оценивает уровень самосознания современного ему российского общества, признает, что в общественной и частной жизни россиян отсутствует обдуманная система, последовательность, преемственность, поэтому и нет «капитализации труда, знания и культурных привычек» [6, с. 881]. В этом разрыве идей и действительности видится автору одна из особенностей психического склада российского народа.

Русский социолог, культуролог и публицист Н. Я. Данилевский в отличие от К. Д. Кавелина высказывает сомнение в том, что организм русской культуры не пострадает от неумелого заимствования и сохранит самобытность. Мыслитель отмечает, что Петр I, осуществляя свои реформы, исходил из заведомо ложных постулатов: уверенности в тотальном превосходстве, вечном лидерстве Европы и необходимости полного копирования всех аспектов европейской жизни, чтобы сделать Россию частью западноевропейской цивилизации.

Данилевский позитивно оценивает военные, промышленные и административные реформы Петра и критически отзывается об изменениях в быте, нравах, и обычаях, нанесших «величайший вред будущности России». Развитию национальной культуры не способствовало закрепившееся в общественном сознании представление об «иностранных формах жизни», как высококультурных и якобы «низких и простонародных» традиционно русских [4, с. 319]. Таким образом, наиболее опасный для российской культуры итог петровских реформ Н. Я. Данилевский видит в «европейничаньи» – болезни, поразившей сначала русскую элиту, а затем и все слои общества. Эта «болезнь» вынуждала российских

реформаторов разных поколений в процессе культурного заимствования идти по пути прямого копирования европейских технических приемов, средств, институтов без их трансформации и переработки согласно местным традициям и исторической ситуации. Однако опаснее для традиционной культуры оказалось увлечение русской интеллигенции новейшими, порой радикальными западными идеями без их критического осмысления и признание европейского общественного мнения судьей в актуальнейших вопросах внешней и внутренней жизни России.

Модернизация образования в Японии, на первый взгляд, выглядит более сбалансированной в сравнении с Россией, в том смысле, что японцам удалось избежать тотального копирования. Они использовали европейский опыт, не потеряв при этом собственных корней, не изменив своим религиозно-этическим традициям. Обучение проходило в собственных учебных заведениях, местными педагогами. В созданных с этой целью сети профессиональных школ воспитание молодежи осуществлялось, согласно японским традициям, без «физического воздействия» и «всякого стеснения личности» [3, с. 63]. Однако, стремительно проведенные реформы не могли оказаться полностью свободными от шлейфа поверхностного заимствования. Европейское платье (в основном у мужчин), обстановка квартиры (по крайней мере, гостевой комнаты), знание английского языка как признак образованности – эти и другие вещи стали атрибутом модернизации страны в начале XX столетия [3, с. 64].

Историческая традиция культурного взаимовлияния является важным фактором обновления и развития любой страны. Россия в течение целого столетия, с первой четверти XVIII до XIX века, как и впоследствии Япония, во второй половине XIX – начале XX века, исторически оказались втянутыми в волну интенсивного заимствования восточных и западноевропейских культурных форм в момент становления своего национального государства и формирования культурно-национальной идентичности.

Россия и Япония прошли схожий по форме, но при этом глубоко специфический по содержанию, период заимствования западноевропейских культурных форм – в военной сфере, в управлении государством, в промышленности и системе образования. В процессе модернизации японцам удалось избежать заимствования чуждых европейских идеалов и ограничиться прагматичным от-

бором необходимых технических средств и технологий, тогда как российская элита, сочтя национальные традиционные черты безнадежно устаревшими, слишком увлеклась новейшими европейскими идеями, рискуя при этом нанести непоправимый вред самобытной русской культуре. При очевидном различии, процесс заимствования европейских культурных форм сопровождался в обеих странах схожими чертами: преодоление вековых предрассудков, борьба с экономической отсталостью, образование и просвещение народа, трансформация общественного мировоззрения. Обе цивилизации, каждая по-своему (Россия – первоначально через «слепое» копирование, а затем его критическое осмысление; Япония – через вынужденную самооборону «в шкуре тигра»), показали умение видоизменять заимствованные формы и приспособлять их к своим разумным потребностям, сохраняя при этом национальную индивидуальность.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. М.: АСТ, Астрель: Полиграфиздат, 2010.
3. *Головнин Д.Н.* Япония прежде и теперь // Русская мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. Год 24-й. Кн. VII. М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерова и К^о, 1903.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
5. *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней Руси // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1897.
6. *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1899.
7. *Кавелин К.Д.* Философия и наука в Европе и у нас // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1899.
8. *Кавелин К.Д.* Злобы дня // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т.3. С. 1034.
9. *Ключевский В.О.* Два воспитания // Ключевский В.О. Собрание сочинений в 9 т. Т. 9. М.: Мысль, 1990.
10. *Культурогенез и культурное наследие.* М.; СПб.: Центр гуманистических инициатив, 2014.
11. *Культурология /* Под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М.: Высшее образование, 2007.
12. *Михайлова Е.Е.* Русский позитивизм на рубеже XIX–XX веков: Проблема социокультурного развития. М.: Изд-во МГОУ, 2004.
13. *Никонов Л.А.* Проблема взаимосвязи государства и общества в философии русского позитивизма: дисс. ... к. филос. н.: 09.00.03. Тверь, 2010.
14. *Пронников В.А., Ладанов И.Д.* Японцы: Этнопсихологические очерки. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1985.

Kovaleva, Elena O. *Russia and Japan: to the question of the historical tradition of cultural interaction*

References

1. Berdyaev, N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism], Moscow: Nauka, 1990.
2. Berdyaev, N.A. *Russkaya ideya* [The Russian idea], Moscow: AST, Astrel': Poligrafizdat, 2010.
3. Golovnin, D.N. Yaponiya prezhe i teper' [Japan before and now], in *Russkaya mysl': Ezheme-syachnoe literaturno-politicheskoe izdanie. God 24-j. Kn. VII.* [Russian Thought: Monthly literary and political edition. Year 24th. Book VII], Moscow: Tip. T-va I. N. Kushnereva i Ko, 1903.
4. Danilevskij, N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Institut russkoj civilizacii, 2008.
5. Kavelin, K.D. Vzglyad na yuridicheskij byt drevnej Rusi [A look at the legal state of ancient Russia], in Kavelin, K.D. *Sobranie sochinenij* [Collected works], vol. 1, St. Petersburg, 1897.
6. Kavelin, K.D. Nash umstvennyj stroj [Our mental system], in Kavelin, K.D. *Sobranie sochinenij* [Collected works], vol. 3, St. Petersburg, 1899.
7. Kavelin, K.D. Filosofiya i nauka v Evrope i u nas [Philosophy and science in Europe and in Russia], in Kavelin, K.D. *Sobranie sochinenij* [Collected works], vol. 3, St. Petersburg, 1899.
8. Kavelin, K.D. Zloby dnya [The topics of the day], in Kavelin, K.D. *Sobranie sochinenij* [Collected works], vol. 3, St. Petersburg, 1899.
9. Klyuchevskij, V.O. Dva vospitaniya [Two educations], in Klyuchevskij, V.O. *Sobranie sochinenij v 9 t.* [Collected works in 9 vol.], vol. 9. Moscow: Mysl', 1990.
10. *Kul'turogenез i kul'turnoe nasledie* [Cultural genesis and cultural heritage], Moscow, St. Petersburg: Centr gumanisticheskikh iniciativ, 2014.
11. *Kul'turologiya* [Culturology], eds. Yu. N. Solonin, M. S. Kagan, Moscow: Vysshee obrazovanie, 2007.
12. Mihajlova, E.E. *Russkij pozitivizm na rubezhe XIX–XX vekov: Problema socio-kul'turnogo razvitiya* [Russian positivism at the turn of the 19th and 20th centuries: the problem of socio-cultural development]. Moscow: Izd-vo MGOU, 2004.
13. Nikonov, L.A. *Problema vzaimosvyazi gosudarstva i obshchestva v filosofii russkogo pozitivizma: diss. ... k. filos. n.: 09.00.03* [The problem of the relationship between the state and society in the philosophy of Russian positivism: candidate dissertation, speciality 09.00.03], Tver', 2010.
14. Pronnikov, V.A., Ladanov, I.D. *Yaponcy: Etnopsichologicheskie ocherki. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [The Japanese: Ethnopsychological essays. 2nd ed., revised and enlarged], Moscow: Nauka, 1985.